

Пракаш Лунгани
представляет Кристофера
Писсаридеса, лауреата
нобелевской премии
2010 года за исследования
безработицы и рынков
труда

ПРИ присуждении Нобелевской премии по экономике иногда присутствует некий элемент каприза: она присваивается людям с противоположными точками зрения (например, премия 1974 года была присуждена Карлу Гуннару Мюрдалю, имевшему левые взгляды, и либертарианцу Фридриху Августу фон Хайеку) или относится к давнему периоду и служит признанием давно забытых научных достижений. Премия 2010 года была присуждена группе единомышленников: она признавала заслуги Питера Даймонда, Дэйла Мортенсена и Кристофера Писсаридеса, исследования которых привели к созданию в 1990-х годах модели безработицы и рынков труда, которая стала «рабочей лошадкой». Момент времени также был подходящим. После Великой рецессии во всем мире 200 миллионов человек не имели работы, и возвращение их к труду было самой безотлагательной задачей экономической политики.

Для Писсаридеса, киприота греческого происхождения, понимание истоков безработицы было делом жизни с 1970-х годов. Потребовалось 20 лет научной работы, прежде чем его исследования стали менять направление мысли экономистов относительно безработицы, а затем стали влиять на экономическую политику. Главный экономист МВФ Оливье Бланшар, известный исследователь проблемы безработицы, говорит: «Крис проявил настойчивость. История доказала его правоту. В этом заключается важный урок для других исследователей.

Если вы считаете себя правым, не стоит слишком много прислушиваться к другим».

Сегодня, когда все прислушиваются к нему, Писсаридес может пользоваться высокой трибуной, обеспеченной ему Нобелевской премией, для того чтобы содействовать преодолению кризиса безработицы в Европе. Он поддерживает некоторые меры политики так называемой «тройки» кредиторов (Европейской комиссии, Европейского центрального банка и Международного Валютного Фонда), но является ярким критиком других мер (см. вставку). Он особенно активен в своей родной стране, Кипре, где, будучи руководителем национального экономического совета, схожего с Советом экономических консультантов в США, он консультирует президента по разным вопросам — от реструктуризации государственных банков до бизнес-модели для Кипра в будущем. «Кипр имеет порядка 10 телеканалов, — говорит Писсаридес, — и все они хотят узнать мое мнение. Иногда я хочу вернуться в свой университетский кабинет и запереть дверь. Но я знаю, что если я так сделаю, то буду об этом жалеть. Пришло время помогать».

Прелюдия

Писсаридес рос в Никозии, отлично учился в начальной и средней школе, по словам матери Евдокии, «его учителя говорили, что он лучший в классе по математике. Он много времени посвящал учебе». Несмотря на отличные оценки, Кристофера не приняли в пять из шести

британских университетов, куда он поступал, и он получил базовое высшее образование по экономике в Университете Эссекса. Среди тех вузов, которые отклонили его документы, была Лондонская школа экономики (ЛШЭ), куда его в конечном итоге приняли в докторантуру по экономике и где он сейчас преподает. Писсаридес воспринимает отказы философски: «Возможно, для меня лучше было учиться там [в Эссексе], поскольку

Писсаридес старался лучше понять процесс, в ходе которого работникам находились соответствующие рабочие места.

ку этот вуз небольшой и нам уделяли много внимания. В ЛШЭ я, возможно, легко бы потерялся».

Получив степень доктора, Писсаридес вернулся на Кипр, чтобы работать в исследовательском департаменте центрального банка. Но судьба распорядилась, чтобы он вернулся в Соединенное Королевство. Когда он приехал в Афины в 1974 году, чтобы навестить родителей своей будущей жены, правительство Кипра было свергнуто, а последовавшие политические потрясения не позволили ему вернуться. Он обратился за помощью к своим бывшим преподавателям в Соединенном Королевстве и в течение года устроился преподавателем в ЛШЭ. «Я переехал в Лондон в 1976 году. С тех пор я никуда не переезжал», — отмечает Писсаридес в своей Нобелевской лекции 2010 года.

Подбор

Философ Томас Карлайл однажды написал: «Научите попууга словам «спрос» и «предложение» — и у вас будет экономист». Слишком большое предложение товара должно привести к снижению цены, повышению спроса и устранению избыточного предложения. Применительно к рынку труда эта классическая точка зрения подразумевает, что зарплата снизится, когда есть избыточное предложение труда, и устранят безработицу. Устойчивое сохранение массовой безработицы, как это имело место во время Великой депрессии 1930-х годов, явно противоречило этим взглядам.

В 1960-е годы экономисты, в том числе Даймонд и Мортенсена, стали отмечать, что поиск работы схож с поиском супруга (супруги) или жилья. Рынок жилья, например, имеет большое число покупателей и продавцов. Две стороны ведут поиск, чтобы найти хороший вариант, который сделает обе стороны счастливыми. Цена является одним аспектом сделки, но не единственным, поскольку для покупателей важны другие характеристики жилья. Поиск требует значительных затрат времени, поэтому некоторые дома остаются непроданными в течение некоторого времени. Применительно к рынку труда эта «теория поиска», по-видимому, обеспечивает более удовлетворительную концепцию причин безработицы, чем классическая парадигма.

Писсаридес познакомился с Мортенсеном в начале 1970-х годов, когда заканчивал учебу в Университете Эссекса. Мортенсен настоятельно рекомендовал, чтобы Писсаридес работал над теорией поиска во время подготовки докторской диссертации в ЛШЭ. Мортенсен не помнит об этой встрече, но позже писал, что, «очевидно, это был один из лучших советов, которые я давал какому-либо студенту». В 1970-е и 1980-е годы, вначале как аспирант, а затем как преподаватель в ЛШЭ, Писсаридес старался лучше понять процесс, в ходе которого работникам

находились соответствующие рабочие места. Чарльз Бин, бывший управляющий Банка Англии и преподаватель ЛШЭ, говорит, что диссертация Писсаридеса была примечательна тем, что в ней делался упор на значении неполной информации. Работодатели не полностью уверены в способностях потенциальных работников, а работники не полностью информированы о возможностях работы, что ведет к «существенным трениям в методах деятельности рынка труда».

Основной вклад Писсаридеса в исследования после его диссертации заключался в развитии концепции функции подбора. Экономисты используют концепцию, известную как функция производства, для описания зависимости между вводимыми ресурсами и выпуском продукции; технический прогресс может обеспечить больший объем выпуска при тех же факторах производства, а иногда неблагоприятные обстоятельства или плохие меры политики могут помешать процессу, с помощью которого вводимые ресурсы превращаются в продукцию. Писсаридес аналогичным образом думал о числе безработных и количестве вакансий как о вводимых ресурсах, затрачиваемых на производство рабочих мест. Насколько хорошо эти затраты превращались в рабочие места, зависело от степени неполноты информации, мер государственной политики и шоков, воздействующих на рынок труда. Бин говорит, что «хотя [функция подбора] внешне выглядит как «черный ящик», ее можно обосновать с помощью различных данных на микроэкономическом уровне. Ее можно рассчитать на основе фактических данных». Писсаридес также использовал идеи из области теории игр для определения того, как излишек от успешного подбора делится между работниками и работодателями. Это, говорит Бин, обеспечило «простую, но убедительную теорию определения заработной платы».

Даймонд и Мортенсен вели аналогичные исследования, но Писсаридес не был полностью осведомлен об их работе: это было «до электронной эры», как он отметил в Нобелевской лекции. Ближе

Переживания по поводу евро

Ответная реакция на введение в 1992 году евро была разной на двух берегах Атлантического океана. Четыре известных профессора Массачусетского технологического института (Оливье Бланшар, Рудигер Дорнбуш, Стэнли Фишер и Пол Кругман) приняли участие в дискуссии 21 сентября 1992 года, в ходе которой они пришли к выводу о том, что «общая европейская валюта имела бы неблагоприятные экономические последствия». У многих ученых, базирующихся в Европе, напротив, была эйфория: «Я полностью поддерживал эту идею», — писал Писсаридес. Он стал членом Комитета по денежно-кредитной политике Центрального банка Кипра, «с тем чтобы помочь ввести евро на своей родине». До этого он работал в группах по Соединенному Королевству и Швеции, изучавших последствия принятия евро для рынков труда этих стран.

Но сейчас, говорит он, введение евро «выходит боком: оно сдерживает экономический рост и создание рабочих мест, оно также разделяет Европу». Параметры макроэкономической политики могут быть целесообразными для Германии и некоторых северных стран-членов союза, но «слишком узки», по его мнению, для южных стран-членов союза. Жесткая бюджетная экономия в особенности «приводит к возникновению потерянного поколения образованных молодых людей... «Тройке» [Европейская комиссия, Европейский центральный банк и Международный Валютный Фонд] и национальным правительствам следует смягчить позицию по бюджетной экономии». Писсаридес говорит, что евро следует отменить, или ведущим странам-членам союза следует смягчить денежно-кредитную и налогово-бюджетную политику для восстановления роста экономики и создания рабочих мест на юге ЕС.

к его месту работы, некоторые из коллег Кристофера в ЛШЭ, особенно Ричард Лаярд и Стивен Никелл, также разрабатывали свой подход к пониманию безработицы. Хотя Писсаридес был, безусловно, осведомлен об их работе и иногда сотрудничал с ними, он придерживался собственного пути. Бланшар вспоминает «знакомство с Крисом в конце 1980-х годов в ЛШЭ. В то время Школа уделяла пристальное внимание проблемам безработицы, а Писсаридес работал в основном параллельно. Его модели представлялись довольно экзотичными и сложными по сравнению с библейской простотой модели Лаярда-Никелла... Не хочу сказать, что коллеги считали, что Крис должен оставить это и перейти к более актуальной работе, но он не был в центре группы [ЛШЭ]».

Новые возможности

Изучение функции подбора Писсаридесом привело к возобновлению интереса к кривой Бевериджа — взаимосвязи между безработицей и вакантными рабочими местами. Эту зависимость наблюдал британский экономист и социальный реформатор Уильям Беверидж в 1940-е годы: когда экономика была на подъеме, безработица была низкой, а число вакансий было большим. Во время спада наблюдалась обратная ситуация. Писсаридес не только обеспечил теоретическое основание для кривой, но и помог интерпретировать изменения вокруг кривой (известные как «петли»), когда экономика выходит из спада. Сейчас, когда США и другие рынки труда пытаются преодолеть последствия Великой рецессии, вокруг кривой Бевериджа видны «петли», как предвидел Писсаридес (см. рис. 1).

Другим практическим значением работы Писсаридеса является ее обоснование мер политики, содействующих возвращению безработных к трудовой деятельности. Эти меры, известные как активные меры политики в отношении рынка труда, воздействуют на мотивацию работников к поиску работы и занятию должностей. Экономисты согласны, что работники должны получать поддержку доходов в периоды безработицы, но Писсаридес написал в своей Нобелевской лекции, что меры политики также должны «создавать стимулы к более активному

поиску работы, и это может сместить кривую Бевериджа к началу и повысить результативность рынка труда в подборе соответствующих работников и рабочих мест». Без таких активных мер политики продолжительность безработицы оказывается очень длинной, что усугубляет «разочарование безработных и изолирует работников от рабочей силы».

Эти выводы стали учитываться в политических кругах и влиять на то, как правительства принимают меры в ответ на спады на рынке труда. В Соединенном Королевстве, например, сообщил Писсаридес *Ф&Р* активные меры политики «играли важную роль в ограничении долгосрочной безработицы» во время Великой рецессии. США, напротив, поступили правильно, предоставляя пособие по безработице, но не принимали достаточно активных мер политики в отношении рынка труда с целью возвращения безработных к трудовой деятельности, что привело к тревожному увеличению долгосрочной безработицы в США. Джордж Акерлоф, получивший Нобелевскую премию 2001 года и также известный своими исследованиями проблемы безработицы, говорит, что «упор, который делал Крис на утрату квалификации по мере удлинения периодов безработицы (и, следовательно, на необходимости недопущения превращения безработицы в долгосрочную), является одним из его выводов, сохраняющих актуальность длительное время».

Плыть по течению

Представьте, что вы накрываете стол для праздничного ужина и понимаете, что вы накрыли на три лишних персоны. Что вы сделаете? Уберете лишние тарелки, не так ли? Вы подумаете, что если кто-то вам посоветует добавить приборы еще на два места, а потом убрать пять, устранив тем самым лишние три места, то это будет глупо. Однако рынок труда в странах с развитой экономикой, по-видимому, повторяет такую излишнюю трату сил ежемесячно. Рассмотрим август 2010 года, когда экономика США лишилась 100 000 рабочих мест. Это чистое снижение 100 000 рабочих мест было достигнуто путем создания 4,1 млн новых рабочих мест и сокращения 4,2 млн существующих рабочих мест. На языке экономистов чистое изменение числа рабочих мест выглядит незначительным на фоне валовых потоков от безработицы к занятости («создание рабочих мест») и от занятости к безработице («сокращение рабочих мест»).

Эти факты об огромной величине валовых потоков только начинали выявляться в 1990-е годы, в значительной мере благодаря исследованиям Кима Кларка и Лоуренса Саммерса из Гарвардского университета, Стивена Дэвиса из Чикагского университета и Джона Халтиэнгера из Мэрилендского университета. Их исследования вдохновили работу Мортенсена и Писсаридеса, продемонстрировав, что рынок труда действительно был, как они и представляли себе, динамическим местом, где ежемесячно создавалось и уничтожалось множество подобранных рабочих мест. Они заставили ученых построить ясную модель, которая соответствует масштабам этих валовых потоков и их изменениям на протяжении экономического цикла.

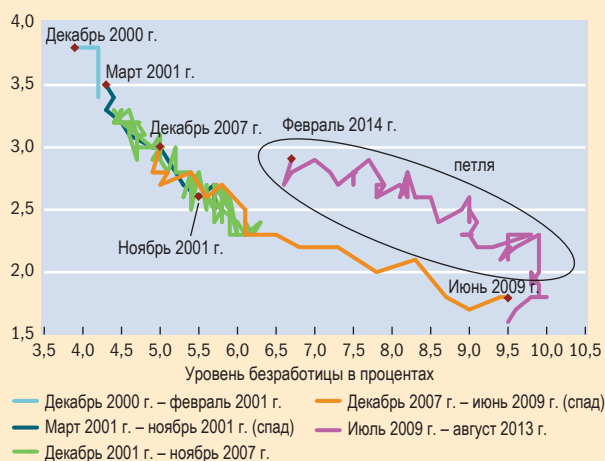
В отличие от работы по функции подбора, разработка модели была совместным трудом Мортенсена и Писсаридеса в рамках исключительно плодотворного сотрудничества в 1990-е годы, продолжавшегося десятилетие. Важнейшей характеристикой модели является предположение о том, что после создания рабочих мест они не могут быть с легкостью адаптированы к новым технологиям. Рынок труда постоянно подвергается воздействию развития технологий и другим изменениям, которые меняют прибыльность существующих рабочих мест. Такие «идиосинкратические шоки» ведут к сокращению рабочих мест и к безработице до тех пор, пока вместо них не будут созданы рабочие места в других сферах. На создании и сокращении рабочих мест сказываются также бумы и спады в экономике в целом. В работе Мортенсена и Писсаридеса все эти элементы были объединены в модель, которая соответствовала

Рисунок 1

Рабочих мест много, пока вам не потребуется найти работу

Кривая Бевериджа показывает, что во время спада безработица является высокой, а число вакансий — низким. После Великой рецессии вокруг кривой наблюдалась прогнозировавшаяся «петля».

(Доля вакансий в процентах)

Источник: Бюро статистики труда США.

огромному объему этих валовых потоков и их изменениям на протяжении экономического цикла. В знак признания вклада, внесенного ранее Даймондом в ее создание, в настоящее

Для молодых работников особенно важно, чтобы им была предоставлена возможность выбирать работу.

время модель известна среди экономистов как «модель ДМП» по первым буквам фамилий ее создателей. Бланшар говорит, что модель ДМП «оказалась и теоретическим чудом, и невероятно полезным инструментом для анализа данных».

Защищать работников, а не рабочие места

Модель ДМП также оказалась очень полезной для научного обоснования разработки мер политики в отношении рынка труда. Многие страны стремятся защитить работников от безработицы с помощью административных процедур, которые требуют от работодателей затрат времени и средств при увольнении работника, — по существу, «налога» на увольнения. Такое законодательство о защите занятости действительно уменьшает величину валового потока к безработице, ограничивая сокращение рабочих мест. Но это законодательство также препятствует созданию рабочих мест. «Когда фирма создает рабочее место, она ожидает, что в какой-то момент в будущем ей придется уплатить [высокий] налог [на увольнение], если ей необходимо будет расстаться с этим работником. В результате число создаваемых рабочих мест снижается», — объясняет Писсаридес в Нобелевской лекции. При меньшем числе создаваемых рабочих мест поток от безработицы к занятости также уменьшается.

В итоге, политика, призванная защищать работников от безработицы, может иметь парадоксальные последствия, приводя со временем к фактическому увеличению продолжительности

безработицы из-за сдерживающего воздействия на создание рабочих мест (см. рис. 2). Эти выводы на основе модели ДМП поддерживают идею, ставшую мантрой: «защищать работников, а не рабочие места». Слишком настойчивые действия для защиты существующих рабочих мест путем чрезмерного ограничения увольнений могут остановить процесс замены рабочих мест, который необходим в динамичной экономике. Лучше защищать работников от последствий безработицы с помощью соответствующих пособий и другой поддержки доходов, дополняемых активными мерами политики по возвращению безработных к подходящей работе до того, как они начнут утрачивать квалификацию и уверенность в своих силах.

Избыточная защита занятости может также вести к высокому уровню безработицы среди молодежи. Молодые еще не знают, что у них хорошо получается и что они хотели бы делать, а работодатели не уверены в том, насколько они будут результативно работать. Поэтому для молодых работников особенно важно, как отмечает Писсаридес, чтобы им была «предоставлена возможность выбирать работу. Точно также, как от них нельзя ожидать, чтобы они сочетались браком с первым парнем или первой девушкой, от них нельзя ожидать, чтобы они устроились на свою первую работу и оставались на ней навсегда». Он говорит, что законодательство о защите занятости помогает работникам-мужчинам старшего возраста, но наносит ущерб другим работникам, например, женщинам и молодежи, которые чаще присоединяются к рабочей силе и ее покидают».

Обслуживание с улыбкой

За последнее десятилетие Писсаридес расширил сферу своих исследований и включил вопросы структурных изменений. В условиях, когда экономики стран движутся в направлении сектора услуг, отмечает он, важно, чтобы эта «сфера рассматривалась как надежда, а не как тормоз [производительности и темпов роста]». Он считает, что для многих стран с формирующимся рынком чрезмерная зависимость от обрабатывающей промышленности опасна, поскольку «основная часть низкооплачиваемых работ в обрабатывающей промышленности не обеспечит работникам ни квалификации в области высоких технологий, ни навыков межличностного общения, которые будут необходимы на многих работах будущего» (см. статью «Сектор услуг не тот, каким он был раньше» в этом номере *Ф&Р*).

В Европе, сообщил Писсаридес *Ф&Р*, «большинство недостающих работ наблюдается в сфере, предоставляющей услуги населению и компаниям». Большая гибкость и более весомые стимулы для работодателей могут привести к созданию рабочих мест в розничной торговле, гостиничном хозяйстве и обслуживании автомобилей и «обеспечить занятость для многих молодых людей и женщин». Для этого крайне важно сохранять минимальную заработную плату на низком уровне, с тем чтобы работодатели рисковали и принимали новых работников. Он утверждает, что необходима также перемена в отношении к работе в секторе услуг: «Предоставление более качественных услуг клиенту не является унижительным».

Писсаридес известен своей легкостью в общении и скромностью. Бин говорит, что «непритязательный и располагающий к себе стиль общения Криса сделал его любимцем студентов и аспирантов». За многие годы он был руководителем большого числа соискателей докторской степени, в том числе директора Европейского департамента Резы Могадама. Когда было объявлено о присуждении Нобелевской премии, Писсариде-са не было в его кабинете в ЛШЭ. Но, как отмечает Бин, «дверь в его кабинет была покрыта множеством разноцветных записок с поздравлениями от аспирантов. Это — самое наглядное свидетельство дела его жизни». ■

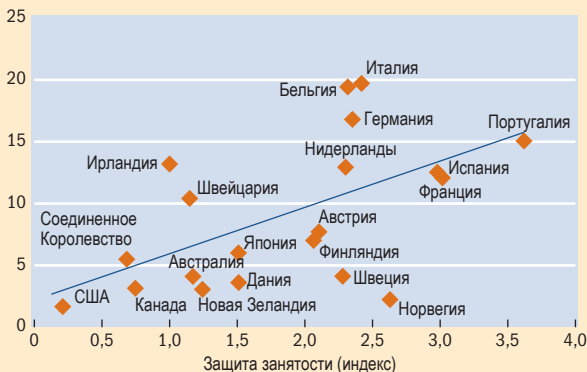
Пракаш Лунгани — советник в Исследовательском департаменте МВФ.

Рисунок 2

Сдерживающее влияние

Меры политики, призванные защищать работников от безработицы, могут привести к увеличению продолжительности безработицы в результате сдерживающего воздействия на создание рабочих мест.

(Продолжительность безработицы в месяцах, средние показатели 1995–2007 годов)

Источники: Международная организация труда и Организация экономического сотрудничества и развития.